

**“ЗАПИСНАЯ КНИЖКА № 1” Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ТРАНСКРИПЦИЯ И НОВЫЕ ПРОЧТЕНИЯ**

© 2018 г. **К. А. Баршт**

Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, 4
konstantin_barsht@pushdom.ru

© 2018 г. **С. В. Березкина**

Доктор филологических наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, 4
s.berezkina@mail.ru

© 2018 г. **Т. Н. Галашева**

Научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, 4
ta.ni.ma@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию 19 января 2018 г.

**“THE FIRST NOTEBOOK” BY F. M. DOSTOEVSKY:
TRANSCRIPTION AND NEW READINGS**

© 2018 **Konstantin A. Barsht**

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS,
Makarov Embankment 4, St. Petersburg, 199034, Russia
konstantin_barsht@pushdom.ru

© 2018 **Svetlana V. Beryozkina**

Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS,
Makarov Embankment 4, St. Petersburg, 199034, Russia
s.berezkina@mail.ru

© 2018 **Tatyana N. Galasheva**

Researcher at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS,
Makarov Embankment 4, St. Petersburg, 199034, Russia
ta.ni.ma@yandex.ru

Received by Editor on January 19, 2018.

В статье анализируется опыт создания нового научного продукта, дипломатической транскрипции “Первой” тетради Ф.М. Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед.хр. 3), описываются преимущества такого рода научного продукта, характерные свойства документа, а также текстологические параметры, избранные для транскрибирования; приводится таблица ряда новых прочтений текста записной тетради Достоевского.

The article offers an analysis of the outcome of the work on a diplomatic transcription of ‘the first’ notebook by F.M. Dostoevsky (The Russian State Archive of Literature and Art, F.212.1.3); we dwell on major advantages for that kind of scholarly documentation, on the characteristic properties of the document, and on textual parameters selected for transcription. The article contains a table showing some new readings of the Dostoevsky notebook.

Ключевые слова: Записная тетрадь Ф.М. Достоевского, текстология, дипломатическая транскрипция, факсимиле, языки рукописи.

Keywords: F.M. Dostoevsky's working book, textual criticism, diplomatic transcriptions, facsimile, languages of the manuscript.

DOI: 10.31857/S241377150001110-4

Записные тетради Ф.М. Достоевского, или, как он их называл, “письменные книги”, в которых фиксировались художественные замыслы и были сделаны первые наброски будущих произведений, являются центральной частью архива писателя. После смерти Достоевского эти материалы были сохранены его вдовой Анной Григорьевной, которая и присвоила данной тетради название, вынесенное в заглавие нашей статьи. Начиная с 1921 г. тетрадь “№ 1” хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 3). Она имеет размер 21×17 см, состоит из кожаной обложки и 148-ми страниц; в ней две пагинации, сделанные рукой жены писателя. В первой из них, прямой (с. 1–147), пропущена страница между № 91 и 92, после чего была проведена пагинация в обратном порядке (с. 1–148), и к номеру страницы, следующей после с. 91, был добавлен индекс “а”. В результате этого возникли некоторые основания для путаницы: каждая страница имеет два номера – по первой пагинации (с. 1–147 с пропуском с. 92) и по второй (в обратном порядке: с. 1–148). Мы придерживаемся первой пагинации А.Г. Достоевской, которая лежит в основании записки о содержании тетради, оставленной ею на форзаце “письменной книги”, а также принятой в академическом ПСС Достоевского в 30-ти томах.

Тетрадь содержит 121 страницу с текстом, написанным пером и/или карандашом, а также 27 чистых страниц; есть несколько авторских дат: “15 сен<тября> <1864>” (с. 14), “18 числа октябр<я> Бунакову окончательный отве<т>” (с. 16), “К 1-му января <1865>” (с. 26), “С 7-го декабря <1865>” (с. 103), “28 декабря” (с. 104). Список векселей со сроками выплат с 1/12 января по 25 мая/4 июля 1865 г. содержится на с. 126, такой же список просроченных векселей 1864 г. со сроками выплат в феврале-марте того же года находится на с. 127. На с. 134–143 и 145, с записями дневникового характера, содержатся также даты намеченных дел и “планов” с 29 августа 1864 по 1 января 1865 г. Можно предположить, что тетрадь была начата в связи с замыслом повести о студенте, убившем процентщицу, об этом свидетельствует запись на с. 1. Следующие страницы (с. 2–7) посвящены работе над июльским и августовским номерами

“Эпохи” за 1864 г. Существует версия, что из тетради были вырезаны страницы 155–156 (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29491. ССХб. 16), причем на с. 155 есть авторская дата: “9 сентября <1864>”); есть также основания полагать, что из этой тетради была вырвана страница, содержащая записи и портретный рисунок (РО ИРЛИ. № 229495. Л. 6) (см.: [1, с. 325–330]).

Согласно заметке Анны Григорьевны на форзаце тетради, в ней содержатся: «1) Вариант романа “Преступление и наказание” под заглавием “Под судом” (рассказ веден от лица Раскольникова). Стр. 79–101. 2) Материалы к роману “Преступление”. Стр. 1, 78, 102–125, 130, 132–134, 146. 3) Черновик письма к М.Н. Каткову (ноябрь 1865 г.). Стр. 55–57. 4) Разные заметки: стр. 8, 23, 24, 45, 47, 61, 66–75, 140». В более подробном и уточненном виде содержание тетради можно представить следующим образом: список действующих лиц романа “Преступление и наказание” (с. 1), планы июльского и августовского (с. 2–7) и сентябрьского и ноябрьского (с. 129, 131) номеров “Эпохи” за 1864 г., наброски к статье “Офицер и нигилистка” (с. 8), наброски статей для журнала “Эпоха” (с. 14, 23–24, 44–46), дневниковые записи (с. 16–17), рисунки (с. 17, 27, 29, 35–36, 73, 84, 101–104, 106–107, 109–111, 113, 115–126, 134), каллиграфические прописи (с. 1, 69, 101–102, 105, 109–111, 119–120, 123–124, 126, 128–130), записи адресов (с. 17–18), финансовые расчеты, связанные с задуманным периодическим изданием “Записная книга” (с. 25–43), письмо М.Н. Каткову (с. 55–57), наброски статьи, полемически направленной против изданий А.А. Краевского – газеты “Голос” и журнала “Отечественные записки” (с. 61–62, 66–71), наброски полемического характера, направленные против публикаций “Современника” (с. 72–75), подготовительные материалы к рассказу “Крокодил” (с. 8, 78), черновой автограф одной из первых версий романа “Преступление и наказание” под заглавием “Под судом” (с. 79–101), подготовительные материалы к этому произведению (с. 102–125, 130, 132–134, 146), списки неотложных выплат по векселям обанкротившегося журнала “Эпоха” (с. 126–128, 135–145, 147).

Ежемесячный литературный и политический журнал “Эпоха” издавался братьями Федором и Михаилом Достоевскими с января 1864 г. по февраль 1865 г. вместо закрытого властями журнала “Время”; было выпущено 13 номеров, включая объединенные № 1–2 за 1864 г.; первые шесть месяцев журнал функционировал под руководством Михаила Михайловича Достоевского, талантливого публициста и издателя. Усилиями Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова, А.А. Григорьева и других сотрудников, продолжая традиции “Времени”, журнал развивал идеологию “почвенничества”, или “русскую идею”, предполагавшую усвоение культурного наследия Западной Европы, сохраняя оригинальность от национальных традиций. После смерти М.М. Достоевского 10 июля 1864 г. Федор Михайлович пытался продолжить этот проект, выпустив остальные номера 1864 г. и два номера в 1865 г. Неудача мартовской подписки 1865 г. (1300 подписчиков) заставил его прекратить издание журнала как коммерчески убыточное. “Записная тетрадь № 1” – свидетель и памятник одного из самых трудных периодов жизни писателя, когда он отказался от издательской деятельности и приступил к первому из своих “больших” романов – “Преступлению и наказанию”.

К настоящему моменту существует несколько публикаций этих материалов¹, однако они передают

¹ См.: “Преступление и наказание”. Материалы к роману. (Из “Записных книжек” Ф.М. Достоевского) / Подг. к печати И.И. Гливенко // Красный архив. 1924. Т. 7. С. 146–200; Из архива Ф.М. Достоевского. “Преступление и наказание”: Неизданные материалы / Центрархив; подг. к печати И.И. Гливенко. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 219 с.; *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание / Изд. подг. Л.Д. Опульская и Г.Ф. Коган. М.: Наука, 1970. С. 505–546 (серия “Литературные памятники”); Литературное наследство. Т. 83: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 201–242. В виде отдельных наборов страниц некоторые тексты тетради опубликованы в академическом ПСС, см.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 7. Л.: Наука, 1973. С. 96–118 (212.1.3. – С. 79–83, 85–101 [Вторая редакция “Преступления и наказания”. Черновой автограф “Под судом”]), с. 130–145 (212.1.3. – С. 78–79, 110–125, 130, 132–134, 146 [Подготовительные материалы к Второй редакции романа]), с. 146–153 (212.1.3. – С. 102–109 [Подготовительные материалы к Третьей редакции романа “Преступление и наказание”]). Записи публицистического и литературно-критического характера из записной тетради 1864–1865 гг. см.: Там же. Т. 20. Л.: Наука, 1980. С. 179–188. Письмо к М.Н. Каткову, написанное в декабре 1864 г. (черновик), опубликовано: Там же. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука, 1985. С. 144–147.

рукопись в недостаточной полноте информации или фрагментарно и дают не всегда точное прочтение записей Достоевского. Кроме издания И.И. Гливенко (1931), они основаны на принципе выборочной публикации текстов, отобранных по разного рода соображениям, и, главное, не учитывают пространственное расположение записей на странице, не воспроизводят рисунки и другие виды идеографии писателя, обедняя тем самым информацию, содержащуюся в рукописи. Возникает необходимость в создании научной модели рукописи, которая бы включала в себя полный объем содержащейся в ней информации, безо всяких купюр, где вербальные записи были бы текстологически обработаны на современном уровне. Особый смысл этой задаче придает то обстоятельство, что рукопись Достоевского в состоянии прочесть очень немногие специалисты-текстологи, поэтому публикация факсимиле мало помогает исследователям, желающим получить полноценную информацию. Эти сложности помогают преодолеть проект создания дипломатической транскрипции, при котором информация на странице рукописи представлена в полном объеме, с переводом рукописного текста в шрифтовой, при точном сохранении его пространственного расположения и с приложением исходного факсимиле.

Следует указать, что идея такого воспроизведения рукописи была выдвинута и опробована еще Я.К. Гротом в конце XIX в. [3, с. 193–207], но пребывала в виде неосуществимой мечты из-за ограниченности технико-эдиционных возможностей того времени. Сегодня компьютерный набор и существование специальных текстовых и графических редакторов в состоянии преодолеть ранее непреодолимые трудности. Авторами настоящей публикации был изучен этот вопрос и проведен ряд экспериментов, результаты которых апробировались на международных научных конференциях. Это помогло выбрать методы и технические средства воплощения идеи, установить продуктивность и полезность такого исследовательского продукта, в котором сохраняется и текстовая часть рукописи в виде шрифтового набора, и все остальные информационные слои рукописи, включая идеографию, рисунки и каллиграфические записи. Выяснилась и реальная заинтересованность в нем научного сообщества. Можно констатировать, что предложенная более ста лет назад Я.К. Гротом “дипломатическая” система воспроизведения творческой рукописи в настоящее время получила “второе дыхание” благодаря возможностям компьютерной обработки текста и изображения, позволяя

решать задачи, недоступные старым эдиционным схемам и открывая новые возможности в изучении рукописных документов.

Подготавливая проект, мы исходили из того, что текстологический подход к “записным тетрадям” Достоевского должен определяться исключительно параметрами и качественными характеристиками самого материала. Первым условием правильного подхода к “письменной книге” Достоевского является признание того, что текст черновой рукописи писателя написан не на одном только вербальном языке, сопровождаемом некими рисунками, но на нескольких языках, связанных семантически и организованных в некое единство. Семиотические взаимодействия внутри системы страницы черновика идут и на уровне языка, и на уровне сообщения. В рамках этого принципа все рисунки и записи, все знаки, какие мы можем обнаружить на странице рукописи, вне зависимости от их внешней привлекательности, понятности или свойств оформления, обладают принципиально равной информационной ценностью. Такой подход требует признания рукописи Достоевского как протяженной динамической системы, продолжающегося семиозиса, в котором все знаки функционально необходимы единому дискурсивному целому. Многоканальность текстового процесса в творчестве Достоевского вовсе не является основанием для утверждения, что этот процесс разбит на не связанные между собой фрагменты. Множественность способов записи в процессе творческой автокоммуникации объясняет секрет философской и художественной продуктивности Достоевского. Для осмысления стратегии текстового процесса Достоевского мало хронологического расслоения его рукописей, необходимо найти пути движения художественной идеи по линиям различных знаковых форматов. На требуемом уровне текстологического сбережения смысла мы принимаем страницу рукописи Достоевского как модель пространства–времени будущего художественного мира, где в семиотическом взаимодействии происходит взаимное означивание компонентов поэтического языка и зарождается художественная форма.

Почерк Достоевского чрезвычайно труден для восприятия, его в состоянии понимать лишь немногие специалисты-текстологи, это диктовало и способ воспроизведения: все прежние издания этих материалов были подготовлены с помощью печатного воспроизведения текста с приложением нескольких факсимиле страниц, на которых расположены рисунки писателя. Однако, как указывал еще Б.В. То-

машевский, шрифтовое воспроизведение огрубляет рукопись, а факсимильные издания “дают документ в сыром виде, не прочтенным” [2, с. 58]. В реальности “Записная тетрадь № 1” представляет собой комплексную композицию, состоящую из вербальных, графических и промежуточных вербально-графических знаков (“каллиграфии”), образующих сложную смысловую картину. Отсюда становится ясно, что проблема адекватной трансляции “записной тетради” Достоевского для нужд филологической науки оказывается связана с двумя основными задачами: 1) верифицировать вербальные записи писателя, исправив ошибки, сделанные в предшествующих публикациях; 2) воспроизвести все наличные тексты “записных тетрадей” не фрагментарно, не выборочно, но целиком, включая все идеограммы и рисунки писателя, вместе с вербальными записями, которые должны в этой научной модели сохранить свое пространственное расположение относительно целого страницы. Только так возможно сохранить все слои информации рукописи Достоевского, одновременно сделав ее читаемой; так можно обеспечить восприятие текста Достоевского, не вырванного из живого контекста рукописи, но внутри определенной композиции и в связи с теми смыслами, в окружении которых данные записи рождалась. Получив дипломатическую транскрипцию тетради Достоевского, исследователь получит уникальную возможность погрузиться в реальность творческого процесса писателя, увидеть в неразрывном единстве изобразительных и вербальных знаков искомые им смыслы его собственными глазами, сохраняя при этом возможность простого и легкого чтения текста рукописи. Таким образом, речь не идет о том, чтобы как-то “изменить” или модифицировать рукопись Достоевского, но, сохранив ее пространственно-смысловую структуру в прежнем виде, сделать ее читаемой.

Следует отметить, что в первых публикациях этих материалов, осуществленных в 1920–1930-е гг. усилиями Централархива СССР, было отмечено большое место, которое занимают в них графические композиции, рисунки и каллиграфические записи, а также указано их немалое значение в качестве исходного материала для изучения творческого процесса писателя. И.И. Гливенко, публикуя тетради к “Преступлению и наказанию”, отмечал “...обилие рисунков, почти всегда сделанных пером. Рисунки эти отличаются очень тонкой отделкой, кропотливой вырисовкой мелких деталей и тщательной растушевкой. Почти всегда это лица (преимущественно мужские) или здания, или части зданий, главным образом готиче-

ских или вообще средневековых. Величина их очень разнообразна: иногда такой рисунок занимает уголок или кусочек в середине страницы, иногда он расширяется на всю страницу. И вторая особенность – это каллиграфически выписанные слова, чаще всего и иностранные имена и названия, многократно повторяющиеся, как например: *Napoléon*, *Julius Caesar*, *Rachel* и т.п.”. [4, с. 6] П.Н. Сакулин, подготавливая к изданию рукописи романа “Идиот”, отметил, что рисунки чаще всего находятся именно при “планах” произведений Достоевского, и высказал предположение, что среди изображенных писателем портретов есть, “может быть, портреты задуманных героев”. [5, с. 3]

Реагируя на текстологическую специфику материала, исследователи колебались, брать ли на вооружение дипломатический вектор “воспроизведения записей так, как они располагаются на странице”, или исследовательский подход, при котором осуществлялась бы “перестановка записей при издании текста согласно результатам исследования”. [6, с. 8–9] По первому пути шли И.И. Гливенко и Е.Н. Коншина [7], по второму – П.Н. Сакулин и Н.Ф. Бельчиков [5]. Однако ближе всех к истине, видимо, был Г.И. Чулков, который заметил, что «за невозможностью установить точную хронологию записей, лучше публиковать документ в том виде, в каком он обозревается теперь, не тасуя произвольно текстов и не исключая ничего “лишнего»» [8, с. 162] Стремясь к осуществлению этой идеи в своей публикации рукописей “Братьев Карамазовых”, он подчеркивал: “Чтоб отнюдь не навязывать отрывочным записям Достоевского произвольной синтаксической связи, искажающей их смысл, и без того не всегда достаточно ясный, – воспроизводился нами по возможности и порядок размещения текста по рукописной странице; если же воспроизвести его было нельзя, он по крайней мере оговаривался нами в подстрочных примечаньях” [9, с. 269–270]. Эту мысль поддерживал Н.Л. Бродский: “...ничем нельзя оправдать, когда исследователь нарушает порядок следования текста, данный самим писателем, или печатает отрывок, разбивая его целостность случайно выхваченными строками” [10, с. 436]. Л.М. Розенблюм скептически относилась к публикациям, в которых исследователи переставляли фрагменты текста, формируя по своему разумению их логический порядок: «...записи лишаются той “естественной среды”, в которой они возникли и которая безразлична для их понимания» [11, с. 92].

Эти и другие реплики исследователей тетрадей Достоевского, казалось, создавали предпосылки для

выработки новой формы публикации рукописей писателя, в которой могли бы получить критическую интерпретацию все информационные слои источника. Однако спрос на тексты писателя, в особенности после 1956 г., оказался столь велик, что о рисунках и идеографиях надолго забыли, вплоть до работ Г.В. Коган (начало 1970-х гг.), к сожалению, успевшей сделать много меньше того, чего ожидало научное сообщество. Записные тетради Достоевского продолжают публиковаться архаическим способом – типографским набором: исключительно выбранный из них вербальный текст, с произвольным расположением фрагментов, при игнорировании других информационных слоев, в них присутствующих, с нарушением общепринятого текстологического принципа: “свойства документа диктуют способ его публикации”. Однако в качестве основного инструмента работы Достоевский применял в своих “письменных книгах” идеографическую (понятийную) модель записи, которую необходимо отобразить с максимальной полнотой, ни в коем случае не урезать, как это делалось ранее во всех публикациях рукописей Достоевского, и не дописывать ее по своему разумению, что предлагает нам концепция “динамической транскрипции”, но лишь сделать ее читаемой. На этом пути полноты воспроизведения реальности страницы в сочетании с прочитанным текстом можно найти адекватный способ воспроизведения страниц тетрадей Достоевского [12, с. 153–183].

Общая постановка вопроса о необходимости и научном значении таких форм публикации рукописей Достоевского, которые учитывали бы все слои и уровни источника, содержалась в предыдущей нашей статье на эту тему [13]. Сейчас становится все более очевидно, что “записная тетрадь” Достоевского во всем многообразии содержащихся в ней записей и графических набросков, во всей полноте ее формы и содержания, – не просто “рукопись” в обычном понимании этого слова, но уникальная по информационной ценности и, вместе с тем, характерная для стиля творческого мышления Достоевского форма фиксирования на бумаге его новых художественных идей. Этот материал, как, впрочем, и любой другой, требует особой текстологической методологии и адекватной формы публикации, учитывающей свойства языка, на котором создан информационный корпус текста.

Понимание “письменной книги” Достоевского как зафиксированного законченного сообщения приводит к тому, что мы совершаем насилие над творческим процессом писателя, заставляя его рукопись быть

не многогранным отражением потока сознания творящего писателя, а неким “завершенным текстом”, что есть нарушение палеографического принципа. В сущности, черновики Достоевского представляют ценность только как документальные свидетельства о ходе творческого процесса. И если мы со всей очевидностью встречаем в его рукописи знаки различных типов, сама мысль об “отборе” должна быть отброшена как ненаучная. Проблема заключается в том, что мы имеем дело не с окончательным завершенным текстом, но со слепком незавершенного процесса, причем на его начальной стадии. Отсюда возникает требование построения такой формы публикации, при которой были бы учтены все параметры рукописи, все находящиеся на странице знаки, вне зависимости от того, насколько близки они нашему представлению о письменном тексте. Передавая форму рукописи “типографскими методами, опуская вниз, в сноски все замены, колебания, зачеркивания”, мы “деформируем картину”, убиваем тем самым столь важную “эстетику рукописного листа”, которая компенсирует и оправдывает “отрывочность, ненормативность написания”, – справедливо указывает Е. Дмитриева [14, с. 46]. При всех очевидных плюсах, основной недостаток транскрипции, по мнению Д.С. Лихачева, состоит в том, что “...эти транскрипции, как показывает опыт публикаций такого рода, не дают четкого представления о рукописи, о расположении строк, о цвете чернил, о смене почерков, орудий письма, характере вычеркиваний и подчеркиваний и пр., что для установления последовательности создания черновика имеет первостепенное значение. Поэтому следует рекомендовать для публикации текстологически непрочитанных рукописей черновики или прочитанных лишь предположительно факсимильные публикации. Рядом с этими факсимильными публикациями могут печататься и дипломатические воспроизведения, которые в данном случае могут играть роль подспорья для чтения отдельных слов чернового текста” [15, с. 146]. Однако в настоящее время оказывается возможным создание текстологического продукта, в котором эти два необходимых параметра могут быть объединены. Метод текстологической обработки рукописи, в которой сохраняется топология страницы – расположение записей, Н.В. Перцов предлагает называть “факсимильно-транскрипционным” [16, с. 75], то есть речь идет о транскрипции, вполне передающей образ подлинника и обеспечивающей незатрудненное прочтение оригинала.

Исходя из этого базового принципа, при создании полной транскрипции “первой” тетради Досто-

евского необходимо было удержать баланс между читаемостью и сохранением образа страниц. Для воспроизведения рукописного текста применена распространенная гарнитура Times New Roman (курсив) в роли графически нейтральной: в черновых записях Достоевского, выполненных скорописью, графика почерка практически никогда не несет специальной смысловой нагрузки, и потому может быть передана хорошо читаемым и простым шрифтом. в соответствии с академическими нормами, текст воспроизводится по нормам современной орфографии. Транскрипция воспроизводит, насколько это возможно в рамках графического редактора, физические размеры рукописного текста, выдерживаются также параметры его пространственного расположения на странице. В оригинале сохраняются каллиграфические прописи и все виды невербальных знаков, созданных рукой Достоевского: рисунки, арабески, линии подчеркивания и отчеркивания фрагментов текста, зачеркивания слов, знаки препинания, цифры, пометы “NB”, “№” и пр. Эти знаки не нуждаются в переводе на типографский шрифт и служат дополнительными маркерами соответствия печатного текста топографии рукописного листа. Сохраняются также печати архива, случайные росчерки и загрязнения, записи, просвечивающие с оборотной стороны листа. Все записи, сделанные рукой А.Г. Достоевской, в частности, пагинация и дарственная надпись на с. 147, также сохранены в факсимильном воспроизведении.

Карандашные записи переданы серым цветом шрифта, записи чернилами – черным цветом; неоконченные слова дописаны в транскрипции светло-коричневым цветом, для повторяющихся на странице сокращенных слов окончание воспроизводится единожды, в первом случае – в пределах страницы. Сокращения типа “м. г.” (“милостивый государь”), “г.” или “г-н” (“господин”), “р.” или “руб.” (“рубль”), “к.” или “коп.” (“копейка”) и подобные им воспроизводятся как есть, не дописываются и не поясняются. В случаях, когда одна или несколько букв исправлены на иные (новый вариант написан поверх прежнего), последний правильный вариант передается цветом, соответствующим инструменту письма, исправленный вариант – более светлым по отношению к цвету чернил, при этом допускается минимально возможное расположение букв, необходимое для того, чтобы исправление могло быть читаемым. Слова, прочтение которых выполнить не удалось, передаются факсимиле. Описки, имеющие

значение следа творческого размышления писателя, сохраняются (“про прежнему-то” – с. 104/44; “прощения простить” – с. 113/35; и др.). Страницы тетради сориентированы по направлению основного текста, в связи с этим некоторые страницы перевернуты для удобства чтения; пагинация при этом сохраняется в неизменном виде – по направлению с. 1–147 (см. выше).

Эти параметры транскрипции связываются общей задачей: сочетать доступность текста с максимальной точностью воспроизведения всех слоев рукописи, всех языков, участвующих образовании смысла. Точное воспроизведение внешнего облика страниц тетрадью в сочетании с доступным для чтения форматом обеспечивается сохранением пространственного расположения текстовых блоков на странице. Количество слов в каждой строке идентично рукописи; знаки препинания и иные невербальные знаки, оставленные рукой Достоевского, сохраняются на странице без изменений. В связи с этим игнорируются знаки препинания, обычно расставляемые издателями в соответствии с грамматической нормой, но не обнаруженные в рукописи. Каждая запись, требующая объяснений, комментируется в транскрипции с помощью инструмента ссылки.

В нижеследующей таблице приведены наиболее существенные различия с предыдущими публикациями текстов из тетради по ПСС Достоевского в 30-ти томах: записи, связанные с романом “Преступление и наказание” [17], письмо к М.Н. Каткову [18], заметки к журнальным статьям периода издания журнала “Эпоха” [19]. Записи дневникового характера, планирование номеров “Эпохи” и финансовые расчеты нового издания “Записная книга” – по тому “Литературного наследства” [20]. Варианты смещения границ недописанных слов и другие особенности, вошедшие в транскрипцию, но опускавшиеся или неточно воспроизведенные в предыдущих изданиях, в таблицу не включены.

Номер страницы в тетради	Транскрипция	Публикации (1970–1985 гг.)
5	Ералаш Фатеева	Ералаш Фатеев [20, с. 206]
5	6) Статья [Соколовского] Соловьева	6) Статья Соколовского [20, с. 206]
5	[½ 11) Театр]	[½ 11) Театрал] [20, с. 206]

8	Надо дейст<вовать> через Управу благочиния	Надо д<ействовать> через Управу благочиния [20, с. 215; 18, с. 186]
8	Росс не рос не вырос России Евпраксии	Росс не рос не вырос Россий Евпраксий [20, с. 215]
8	о итальянок и итальянов Скажи зачем ты так разорить или за то б что ль ошень рано Во мне всё ошень рано убить. Твой холод очень рано меня убить	О итальянах и итальянках Скажи зачем ты так разорил Или за то, что ошень рано Во мне всё ошень рано убил. Твой холод очень рано меня убил [20, с. 215]
8	выпуклость твою с улыбка<ой> твой объект в мой субъект	<...> [20, с. 206]
25	137 – 2 р. 70	137 – 2 [20, с. 219]
30	<i>NB</i> Total средств при 3000 подписчиков	Средств при 3000 подписчиков [20, с. 222]
	Долгу за бум<агу> и в типографию можно	Долгу за бумагу по типографии можно [20, с. 224]
47	Когда надо, он и славянофилов обкрадывал	Когда надо, он и славянофилов обкрадывает [20, с. 212; 18, с. 182]
55	я слишком много возложил надежд и положени<я> своего на [теперешний] этот м<ой> роман	я слишком много возложил надежд и положил свою на этот [теперешний] роман мой [18, с. 145]
56	но не могу [ибо они]	но не могу [18, с. 145]
56	Клянусь Вам, что я не преувеличиваю. [Об этом <нрзб>]	Клянусь Вам, что я не преувеличиваю. [18, с. 145]
56	И потому прошу Вас выдать мне 1000 рублей вперед, ибо я мно<го> задол<жал>	И потому прошу Вас выдать мне 1000 рублей вперед [18, с. 146]
68	высокие особы	высокая особа [20, с. 213]
70	чтоб на журналы не подписывались [и т. д.]	чтоб на журналы не подписывались [20, с. 214; 18, с. 185]

73	Редакт<ор> Сов<ременника> обер-шиш	редакт<ор> “Сов<ременника>” это обер-шиш [19, с. 187]; редакт<ор> “Сов<ременного> обзор<ения>” — шиш [20, с. 210]	92	воротничок там какой-нибудь чистеньк<ий> надену<т>	воротничок там какой-нибудь чистенький [17, с. 111]
73	он литературным образом обокрал меня (бестолочь)	он литературным образом обокрал меня (беззастенч<иво>) [20, с. 210] он литературным образом обокрал меня, без знаков <?> [19, с. 187]	92	Дескать, как теперь	Дескать, вот теперь [17, с. 111]
81	как я подошел к застойке, снял сво[й]е серебряное [кольцо] крошечное колечко	как я подошел к застойке, снял свое серебряное крошечное колечко [17, с. 98]	94	Понимаете как ангелы об людях так тоскуют	Понимаете как ангелы об людях только тоскуют [17, с. 112]
81	и, и Мармеладов	и Мармеладов [17, с. 98]	98	Лестница чем дальше, тем становилась уже, [не чище] грязнее, [тем мене<е>] темнее.	Лестница чем дальше, тем становилась уже, [не чище] грязнее, темнее. [17, с. 115]
82	чуть не свысока, [сч<итая>] считая	чуть не свысока, считая [17, с. 99]	104	Что у ней останется 3 руб. всего, а рассчитывает более на доброе	Что у ней останется 3 руб., всегда рассчитывает более на доброе [17, с. 151]
82	Мармеладов [по] фамильи	Мармеладов по фамильи [17, с. 99]	104	но зато целое направление спасительно	но зато целое направление симпатично [17, с. 151]
83	Я и оглядел его	Я оглядел его [17, с. 100]	104	Она мне на одно мгновение дана, и это мгновение – [я] мое	Она мне на одно мгновение дана, и это мгновение – мое [17, с. 152]
86	сапог другого, подобием [по<хожего>] сходного вам [существа]	сапог другого, подобием [похожего] схожего вам [существа] [17, с. 102]	105	<i>После бульвара.</i> Пригнать людей.	<i>После бульвара.</i> [17, с. 152]
87/62	[Откажите] Окажите ему – и – и подымется	Скажите ему – и – и подымется [17, с. 103]	107	Детей в приют.	Дети в приют. [17, с. 148]
88	из всех воспоминаний [прошлых лет]	из всех воспоминаний [прошедших лет] [17, с. 104]	110	Приезжают они. Прогоняет жениха.	Приезжают они. Прогоняют жениха. [17, с. 145]
89	Ну а мертвого. Гм. Да-с, так вот-с. Ну а мертвый хоть ей забава, на утешение остался.	Ну а мертвый. Гм. Есть забава. Да-с, так вот-с. Ну а мертвый ей на утешение остался. [17, с. 105]	111	Соня не оставила меня даже при это<м> призн<ании>, а вы оставили.	Соня не оставила меня даже при этом признании, а вы оставите. [17, с. 134]
91	когда дети [голодные]	[когда дети голодали] [17, с. 108]	111	Я слышала, что он тебя учил: убей.	Жаль только, что он тебя учил: убей. [17, с. 134]
91	уже два дни сидели	уже два дня сидели [16, с. 108]	112	[Не мо<жет>] Разумихин ссорится с Заметовым	Разумихин ссорится с Заметовым [17, с. 133]
91	И вот тут в [наконец молч<а>] часов около 6-ти	И вот тут часов около 6-ти [17, с. 108]	113	[Входит Лужин. Разговор и выгоняет. Разумихин свидетель (молчал) хотел уйти при разговоре]	[Входит Лужин. Разговор, и выгоняет. Разумихин свидетель ликов<ания>, хотел уйти при разговоре] [17, с. 132]
91	[Эх!] Гм!.. Бог!..	Гм!.. Бог! [17, с. 108]	117	Отчего [ч<словек>] люди вообще умеют умирать лучше, чем жить?	Отчего люди вообще умеют умирать лучше, чем жить? [17, с. 142]
91б	Люди беднейшие и [добрейшие] и комнатку ей дают	Люди беднейшие и [добрейшие] и комнату ей дают [17, с. 109]	118	Ни капли любви, но в то же время люблю.	Ни капли любви, но в то же время робко. [17, с. 142]
			119	Но когда под концом узнал	Но когда под конец узнал [17, с. 141]
			125	2150 до 2500	2150 [20, с. 219]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Битюгова И.А., Баршт К.А.* К творческой истории “Преступления и наказания” (Атрибуция одного из набросков) // *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 16. СПб.: Наука, 2001. С. 325–329.
2. *Томашевский Б.В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. М.; Л.: Прибой, 1928.
3. *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887.
4. Из архива Ф.М. Достоевского. “Преступление и наказание”: Неизданные материалы / Центрархив; подг. к печати И.И. Гливенко М.; Л.: ГИХЛ, 1931.
5. Из архива Ф.М. Достоевского. “Идиот”: Неизданные материалы / Центрархив; под ред. П.Н. Сакулина и Н.Ф. Бельчикова. М.; Л.: ГИХЛ, 1931.
6. *Розенблум Л.М.* Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981.
7. Записные тетради Ф.М. Достоевского, публикуемые Центрархивом СССР и Публичной библиотекой им. В.И. Ленина / Подг. к печати Е.Н. Коншиной; коммент. Н.И. Игнатовой и Е.Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935.
8. *Чулков Г.* Как работал Достоевский. М.: Советский писатель, 1939.
9. *Комарович В.Л.* Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917–1933 гг. // *Литературное наследство.* Т. 15. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 258–281.
10. *Бродский Н.Л.* [Рецензия на кн.:] Творчество Достоевского. 1821–1881–1921 гг. Сб. статей и материалов. Под ред. Л.П. Гроссмана. Одесса, 1921 // *Красный архив.* 1922. Т. 1. С. 435–438.
11. *Розенблум Л.М.* Проблемы публикации записных книжек писателя (из опыта “Литературного наследства”) // *Современная текстология: теория и практика.* М.: Наследие, 1997. С. 89–94.
12. *Баршт К.А.* Знаковая система Достоевского и перспективы новой текстологии // *Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 153–183.
13. *Баршт К.А., Малафеевская Т.Н.* Дипломатическая транскрипция как текстологическая задача: три страницы из “записных тетрадей” Ф.М. Достоевского // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 2014. Т. 73. № 6. С. 23–37.
14. *Дмитриева Е.* Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? // *Проблемы текстологии и эдичионной практики. Опыт французских и российских исследователей.* М.: ОГИ, 2003. С. 33–50.
15. *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. 2-е изд. М.: Наука, 2006.
16. *Перцов Н.В.* Об аутентичном факсимильно-транскрипционном представлении рукописей русских классиков // *Филологические науки.* 2015. № 1. С. 75–94.
17. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 7. Л.: Наука, 1973.
18. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука, 1985.
19. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1980.
20. *Литературное наследство.* Т. 83: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971.

REFERENCES

1. Bityugova, I.A., Barsht, K.A. On the Creative History of “Crime and Punishment” (the Attribution of One Drawing). In: [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 16. St. Petersburg, 2001. P. 325–329.
2. Tomashevskiy, B.V. The Writer and the Book. Essay of Textual Criticism. Moscow, Leningrad, 1928.
3. Grot, Ya.K. Pushkin, his Lyceum Comrades and Mentors. St. Petersburg, 1887.
4. From the Archive of Fyodor Dostoevsky. “Crime and Punishment”: Unpublished Materials. Moscow, Leningrad, 1931.
5. From the Archive of Fyodor Dostoevsky. “Idiot”: Unpublished Materials. Moscow, Leningrad, 1931.
6. Rozenblyum, L.M. Creative Diaries of Dostoevsky. Moscow, 1981.
7. Notebooks of F.M. Dostoyevsky, Published by the USSR Central Archive and The Public Lenin’s Library. Ed. by E.N. Konshina. Moscow, Leningrad, 1935.
8. Chulkov, G. Dostoyevsky at Work. Moscow, 1939.
9. Komarovich, V.L. Literary Heritage of Dostoevsky During the Years of the Revolution. In: [Literary Heritage]. Vol. 15. Moscow, 1934. P. 258–281.
10. Brodskiy, N.L. Book Review: Works of Dostoevsky. 1821–1881–1921... Ed. by L.P. Grossman. Odessa, 1921. In: [The Red Archive]. 1922. Vol. 1. P. 435–438.
11. Rozenblyum, L.M. Issues of the Publication of the Writer’s Notebooks (from the Experience of the “Literary Legacy”). In: [Modern Textual Criticism: Theory and Practice]. Moscow, 1997. P. 89–94.
12. Barsht, K.A. The System of Dostoevsky’s Artistic Signs and the Prospects for the New Textual Criticism]. In: [Aspects of Dostoevsky’s poetics in the context of literary/cultural dialogues]. St. Petersburg, 2011. P. 153–183.
13. Barsht K.A., Malafeevskaya T.N. A Diplomatic Transcription as a Textual Problem: the Three Pages of Dos-

- toevsky's Notebooks]. In: [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language]. 2014. Vol. 73. No 6. P. 23–37.
14. Dmitrieva, E. On Editing Gogol's Works: Is the Problem Ethical, Aesthetic, or Textual? In: [Issues of Textual Criticism and Editorial Practices...] Moscow, 2003. P. 33–50.
 15. Likhachev, D.S. Textual Criticism: A Brief Essay. Ed. 2. Moscow, 2006.
 16. Pertsov, N.V. On Authentic Facsimile-Transcriptive Representation of Manuscripts of the Russian Classics]. In: [Philological Sciences]. 2015. No 1. P. 75–94.
 17. Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Vols. Vol. 7. Leningrad, 1973.
 18. Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Vols. Vol. 28. Book 2. Leningrad, 1985.
 19. Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Vols. Vol. 20. Leningrad, 1980.
 20. Literary Heritage. Vol. 83: Unpublished Dostoyevsky. Notebooks 1860–1881. Moscow, 1971.